

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ
КОММУНИКАТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ /
НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ МЕНАСИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
FUNCTIONAL AND SEMANTIC CRITERIA
OF COMMUNICATIVE FAIRNESS /
UNFAIRNESS OF MENASIVE UTTERANCES**

Ключевые слова: коммуникативная справедливость, менасивные высказывания, функционально-семантические условия, фрейм, речевое действие

Keywords: communicative fairness, menasive utterance, functional and semantic conditions, frame, speech act

Одним из наиболее сложных субтипов декларативно-экспрессивного прагматического фрейма в плане его функционально-семантического описания являются высказывания со значением *угрозы* (также: менасивные высказывания или дискурсивные практики), под которыми понимаются естественно-языковые единичные акты дискурсии (также: конструкции, высказывания), объединенные между собой глобальной коммуникативной целью, чтобы каузировать адресата к совершению определенных действий или отказу от них с указанием на возможные санкции по отношению к нему, и способные активизировать фреймовую конфигурацию коммуникативной ситуации «угроза» в ментальном пространстве носителей языка (Романов, Новоселова, 2013; Новоселова, 2013а). Но, несмотря на когнитивную сложность ситуации «угроза» и прагматическую специфику феномена менасивных конструкций, данный иллокутивный тип высказываний наряду с другими подтипами декларативно-экспрессивных высказываний характеризуется определенными типовыми условиями функционирования и конкретизаторами иллокутивного потенциала (подробнее о трихотомической иерархической системе условий реализации иллокутивного потенциала см.: Романов, 1988: 55-62; 2006: 21-22; 111-114), среди которых выделяются существенные для диалогического общения предварительные условия (А), условия иллокутивного выражения (Б) и условия ожидаемого действия (В).

Так, для иллокутивного потенциала (или фрейма) «угроза» (см. подробнее: Романов, Новоселова, 2013: 87) предварительным условием (А) является определенное положение (состояние) дел в контексте речевого взаимодействия, при котором:

А.1. – адресат *в состоянии* выполнить каузируемое угрозой действие, *оценив последствия* возможных менасивных действий со стороны автора угрозы;

А.2. – адресант *в состоянии контролировать* выполнение каузируемых действий.

То есть, согласно предварительным условиям реализации иллокутивного фрейма «угроза» адресат обязан выполнить каузируемые действия в пользу адресанта. При этом, характерной особенностью данного типа высказываний является обязательное следование адресата каузируемым угрозой действиям, обусловленное возможностью применения к нему санкций, в случае если он их не выполнит. По этой причине автор угрозы учитывает возможность совершения указанного действия слушающим, а также отказ от него, что отчетливо прослеживается в условно-следственной или антецедентно-консеквентной природе менасивных высказываний. Например: (1) *On your life, suffer not that fellow to escape* (Scott, 2010d); (2) *Stand off from me, or I'll split your head against the wall* (Dickens, 2010b); (3) *I will break your bones if you speak another word* (Scott, 2010c).

Следующими функциональными условиями актуализации взаимодействия на базе типового фрейма «угроза» являются условия интенционального выражения (Б), которые репрезентируют иллокутивный характер высказывания и отношение говорящего к нему, а также включают в себя следующие условия: УПС – условия пропозиционального содержания; УИС – условие иллокутивного содержания; УСГ – условия состояния говорящего (см. подробнее: Романов, 1988: 55-62). Важно подчеркнуть, что «необходимо разграничивать сам содержательный компонент акта взаимодействия, его тематическое содержание и иллокутивную силу, а из содержания высказывания необходимо вычленить отношение говорящего к запланированному результирующему эффекту» (Романов, 1988: 57). Иначе говоря, используя высказывание со значением угрозы, адресант *желает совершения действия и становится причиной воздействия для его выполнения, т.е. каузирует собеседника.*

Условие ожидаемого действия (В) конкретизирует характер целевого назначения высказывания (см. Романов, 1988: 37-38; 55-62) в соответствии с воздействующей направленностью иллокутивного потенциала. Для иллокутивного фрейма «угроза» условие ожидаемого действия (УОД) заключается в том, что адресант *называет будущее действие, которое он ожидает от адресата*, т.е. ответное (каузируемое) действие совершается в пользу говорящего.

На основе комплексного учета всей совокупности функциональных условий реализации типового иллокутивного потенциала менасивных высказываний и их упорядоченного принципа ранжированности, где А доминирует над Б и В, а Б координирует В (Романов, 1988: 58) можно представить развернутую в полном объеме запись фреймовой организации иллокутивного типа «угроза» следующим образом:

Угрожать (Г, С, р) — УПС → совершать (-С, р); где р – не в интересах С;

Угрожать (Г, С, р) — А.1 → считать (Г, быть в состоянии (-С, совершить (-С, р)));

Угрожать (Г, С, р) — А.2 → считать (Г, быть в состоянии (Г, каузировать (-С, (совершить (-С, р))));

Угрожать (Г, С, р) — УСГ → желать (Г, каузировать (-С, совершить (-С, р)));

Угрожать (Г, С, р) — УИС → ручаться (Г, желать (Г, каузировать (-С, совершить (-С, р)));

Угрожать (Г, С, р) — УОД → намереваться (Г, каузировать (Г, становиться (-С, совершать (-С, р))).

Здесь и далее условные обозначения таковы: р – пропозициональное содержание; Г – адресант угрозы (говорящий); С – адресат угрозы (слушающий); - С – обозначает необходимость адресата совершить действия не в своих интересах; А.1, А.2 – функциональные условия, отражающие специфику взаимодействия собеседников, которая связана с пропозициональным содержанием (р); УПС – условия пропозиционального содержания; УИС – условие иллокутивного содержания; УСГ – условия состояния говорящего; УОД – условия ожидаемого действия (результатирующего эффекта); знак → читается «имплицитно, следует» (как направляющий развития взаимодействия в объеме ФСП туннельного знака, см. подробнее: Романов, 2016).

Кроме того, высказывания со значением угрозы как субтип экспозитивного подтипа экспрессивно-декларативного фрейма характеризуются рядом *дополнительных* факторов, конкретизирующих функциональные условия реализации их иллокутивного потенциала. К таким дополнительным факторам относятся следующие:

А.3. – отсутствие заинтересованности у адресата в осуществлении угрозы со стороны говорящего;

Б.1. – отрицательное отношение адресата к содержанию обращенного к нему иницирующего действия, к самой перспективе осуществления названного в нем действия;

Б.2. – перспектива реализации говорящим менасивного действия становится причиной появления аффицированного / дискомфортного эмоционального состояния для адресата (ср.: Романов, 1988: 61; см. также об аффицированном воздействии менасивных высказываний: Романов, Новоселова, 2013а; Romanov, Novoselova, 2014).

Также в процессе актуализации фреймового сценария по указанному иллокутивному типу реализуются следующие параметры социальных форм коммуникации (подробнее см.: Романов, 1988: 64-68), которые входят в систему интерактивных показателей типового субтипа «угроза», но не нашли эксплицитного выражения в представленной выше записи ФСП-угроза:

а) *коммуникативная заинтересованность* – необоудная, в пользу инициатора, так как говорящий желает совершения определенного действия и каузирует слушающего для его выполнения;

б) *форма сотрудничества* – согласованное общение с доминантностью целей и задач говорящего, слушающий прикладывает минимум усилий для реализации коммуникативной стратегии говорящего;

в) *отношения* – недоброжелательные, так как положение дел в тематическом содержании будет затрагивать аффицированное или дискомфортное состояние одного из партнеров;

г) *социально-ролевой статус* – любой. *Кодекс доверия* основан на обоюдной заинтересованности собеседников: адресат оценивает шаги адресанта как истинные, а, следовательно, верит в искренность его намерений настолько, что совершает каузируемые им действия.

Предложенная совокупность функциональных условий актуализации иллокутивного фрейма «угроза» и их дополнительных конкретизаторов не только *закладывает основу* для формирования матрицы, фрейма или функционально-семантического представления «угроза» и заполнения слотов этого фрейма иллокутивными потенциями, но и содержит информацию содержательного и функционального характера (как для говорящего, так и для слушающего), позволяющую выявить семантическое и прагматическое значение высказываний рассматриваемого типа. Так, функциональные условия действуют как в отношении говорящего, так и слушающего: «для говорящего они способствуют предвосхищению той или иной интерпретации иллокутивного потенциала адресатом, а для слушающего раскрывают целевое назначение речевых действий с учетом тех или иных гипотез в рамках типового иллокутивного фрейма» (Романов, 1988: 56). Из сказанного следует, что последовательное соблюдение партнерами по общению указанных выше условий реализации функционально-семантического представления «угроза» (далее ФСП-угроза) обуславливает однозначную интерпретацию прагматической направленности обращенных к ним высказываний, а также во многом облегчает успешное продвижение партнеров к глобальной цели взаимодействия в рамках типового фрейма «угроза».

Учитывая, что функционально-семантическое представление взаимодействия партнеров, созданное совокупностью типичных каузальных цепочек и соответствующих конститuentов поля, представляет собой «своего рода внутренний мир коммуникантов, взаимодействующих в пределах иллокутивного показателя (потенциала) типового сценария» (Романов, 2006: 29), то ФСП-угроза отражает *в общем виде* представления собеседников о ходе реализации высказываний со значением угрозы, их участниках и представлениях о результатах коммуникативного взаимодействия. На основании приведенных выше функционально-семантических условий реализации высказываний со значением угрозы партнеры могут судить о том, являются ли представленные, активированные репликовым шагом знания *достаточными*, чтобы признать акт его реализации как определенный менасивный шаг в диалогическом обмене шагами (и ходами) и установить его функциональные свойства.

Примечательно, что у партнеров указанное «единство типового образа сценарного фрейма» (Романов, 2006: 29) угрозы (*а не сходство их субъективных представлений и интерпретаций* высказываний со значением угрозы) маркируется определенным архивом языковых средств – эксплицитных, имплицитных, косвенных – и оценивается участниками дискурсивного взаимодействия как *социально узнаваемое, социально приемлемое* в определенной ситуации и, следовательно, *коммуникативно справедливое*.

На первый взгляд кажется достаточно спорным и даже противоречивым утверждение о том, что менасивные высказывания вообще могут быть коммуникативно справедливыми, ведь они вводят адресата в состояние дискомфорта и принуждают его совершить какие-либо действия в интересах адресанта. К тому же данный прагматический тип высказываний реализуется, как правило, в ситуациях, когда появляется психологическое напряжение в диалогическом взаимодействии и возникает тематическое рассогласование между собеседниками. Действительно, трудно найти такой прагматический критерий, с помощью которого можно было оценить реализацию высказывания со значением угрозы как коммуникативно справедливого речевого действия, связанного с принуждением адресата совершить какие-либо действия под упоминанием возможного наказания.

По всей вероятности, представляется коммуникативно справедливым использовать, например, высказывания со значением просьбы для того, что бы побудить / каузировать собеседника выполнить какое-либо действие в интересах адресанта (подробнее см.: Романов, 1979: 112-120; 2005: 37; 56). Тем не менее, важно учесть, что высказывания со значением просьбы могут содержать указание на каузируемое действие, которое адресат не в состоянии выполнить, или они могут быть обращены к собеседнику, который заведомо для автора просьбы не сможет ее выполнить. Следовательно, не все высказывания со значением просьбы можно оценить как коммуникативно приемлемые и справедливые по отношению к собеседникам в определенной ситуации.

Конечно, сопоставление менасивных высказываний с высказываниями со значением просьбы в плане их прагма-эмоционального воздействия на собеседника оказывается не в пользу первых. Но если при этом обратить внимание на класс конструкций со значением угрозы без сопоставления его с другими прагматическими типами высказываний, то бросается в глаза, что, действительно, далеко не каждое указание на менасивное воздействие реализуются авторами и не все угрозы ведут к коммуникативной конфронтации собеседников. Получается, что высказывания со значением угрозы могут служить средством достижения коммуникативных целей автора в ситуации, когда другие языковые средства не способны это сделать или когда сама ситуация требует прагматического воздействия именно менасивной силы (см. подробнее о прагматическом воздействии менасивных высказываний: Романов, Новоселова, 2013а).

Иначе говоря, адекватная реализация интерактивной (фреймообразующей) функции иллюкутивного потенциала и типичных каузальных цепочек типового фрейма «угроза» на основе комплексного учета собеседниками функциональных условий и психо-социального контекста (см. также: Новоселова, 2015; 2015а; 2015б; 2015в; 2016; Романов, Новоселова, 2016) способствует оценке таких высказываний как **коммуникативно справедливых менасивных высказываний**. В этом контексте следует отметить, что категория справедливости не отождествляется ни с этикетной составляющей социальной коммуникации, ни с субъективными представлениями собеседников о ходе диалога, так как она не столько оправдывает факт функционирования высказываний со значением угрозы в социальной практике, как объясняет их появление в том или ином контексте социального взаимодействия и позволяет скорректировать поведение собеседников таким образом, что бы избежать коммуникативного рассогласования или сбоя.

Кроме того, любое речевое действие, соотносимое с «планом стратегической реализации конкретной коммуникативной задачи» (Романов, 1988: 53), не может являться коммуникативно справедливым или несправедливым априори, так как установить коммуникативную справедливость представляется возможным только в момент реализации высказывания в диалоге, учитывая при этом стратегическую направленность речевых действий собеседников. Например, в приведенном ниже дискурсивном фрагменте (1) полужирным курсивом выделено коммуникативно справедливое менасивное высказывание (*I''*), т.е. высказывание, автором которого были соблюдены функциональные условия А, Б и В реализации типового фрейма «угроза»:

– *Get up!* – said Mrs. Bumble, in a voice of command (*I'*). – ***And take yourself away from here, unless you want me to do something desperate*** (*I''*).

Mr. Bumble rose with a very rueful countenance: wondering much what something desperate might be. Picking up his hat, he looked towards the door (Dickens, 2010b).

Здесь и далее приняты следующие условные обозначения: (1), (2) ... (n) – цифрами в скобках обозначена нумерация дискурсивных фрагментов; (*I'*), (*I''*), (*2'*) ... (n) – цифрами в скобках со знаком «'» обозначена нумерация отдельных дискурсивных практик.

Адресант менасивного высказывания (*I''*) в состоянии контролировать выполнение каузируемых им действий, а адресат в состоянии выполнить каузируемое угрозой действие (соответствие условиям группы А); адресант желает совершения действия и становится причиной воздействия (*unless you want me to do something desperate*) для его выполнения (соответствие условиям группы Б) и называет будущее действие (*take yourself away from here*), которое он ожидает от адресата (соответствие условиям группы В). Так, в рассмотренном фрагменте (1) категоричная степень интенсивности воздействия соответствует условиям типового фрейма «угроза», а выбранная

форма управления диалогическим взаимодействием оказалась прагматически эффективной для ее автора.

Аналогичная ситуация комплексного учета функциональных условий А, Б и В типового фрейма «угроза» представлена и в следующем диалогическом отрывке (2), где коммуникативно справедливое менасивное высказывание (3''), связанное с принуждением адресата к совершению действий под упоминанием наказания (*your royal blood will hardly protect you*), содержит указание на возможность адресата избежать менасивного воздействия (*if you neglect duty in this way*):

- *Guard the doors! (1') let no man leave the house (1'). So, Bothwell (1''), how comes this (1''')? Did you not hear them sound boot and saddle (1''''?)*

- *He was just going to quarters (2'), sir (2'), he has had a bad fall (2'').*

- *In a fray, I suppose (3')? **If you neglect duty in this way, your royal blood will hardly protect you (3'')***

- *How have I neglected duty (4')?*

- *You should have been at quarters (5'), Sergeant Bothwell (5''), you have lost a golden opportunity (5'''). Here are news come that the Archbishop of St Andrews has been strangely and foully assassinated by a body of the rebel whigs, who pursued and stopped his carriage on Magus-Muir, near the town of St Andrews, dragged him out, and dispatched him with their swords and daggers (5'''' (Scott, 2010e).*

Как показали рассмотренные примеры коммуникативно справедливых высказываний со значением угрозы (1'') и (3''), данный тип высказываний реализуется на фоне соблюдения адресантом функциональных условий А, Б и В типового фрейма «угроза». Примечательно и то, что рассмотренные менасивные высказывания связаны с принуждением адресата к совершению каузируемых действий, но также они предоставляет ему возможность избежать менасивного воздействия, совершив каузируемые действия, и продолжить дальнейшее общение с собеседником. В функционально-семантическом плане они однозначны и выполняют свою функцию каузирования по совершению действий при упоминании возможного наказания.

Тем не менее, если какой-либо из конститuentов фрейма диалогического взаимодействия будет отсутствовать или представленные партнером основания окажутся недостаточными, то такой репликовый шаг может оказаться для партнера *социально и коммуникативно неприемлемым, неузнаваемым и несправедливым* в тех или иных пресуппозициональных условиях действительности. Такое несоответствие не меняет интенциональную направленность менасивного высказывания, но выдвигает на первый план те или иные функциональные условия реализации иллокутивного потенциала угрозы, нивелируя при этом ряд других прагматических факторов. По этой причине представляется целесообразным определить *необходимые и достаточные функциональные условия* реализации иллокутивного потенциала угрозы, совокупность которых

закладывает основу для формирования матрицы, функционально-семантического фрейма **коммуникативно несправедливых менасивных высказываний**. Кроме того, выявление этих условий позволит прийти к единому мнению об *однозначных* функционально-семантических критериях, определяющих менасивное высказывание как коммуникативно несправедливое в дискурсивном пространстве социальной интеракции.

Среди менасивных высказываний, которые соответствуют не всему комплексу представленных выше функциональных условий реализации иллюкутивного потенциала «угроза», заслуживает внимания коммуникативно несправедливая менасивная практика (1') следующего дискурсивного фрагмента (3):

- *I'll fix you after de show* (1').
- *I'll meet you outside, after the last act* (2').
- *Got a gang?* (3')
- *Sure* (4').
- *Then I got to get one* (5') (London, 2010a).

Актуализированное в рассматриваемой ситуации высказывание со значением угрозы (1') *I'll fix you after de show* не соответствует ряду функциональных условий иллюкутивного потенциала угрозы. В частности, адресантом не соблюдены предварительные условия А.1. и А.2 типового ФСП-угроза. Так, высказывание (1') реализовано в контексте следующих предварительных условий:

- адресат *не в состоянии выполнить* какое-либо каузируемое угрозой действие (так как автор угрозы никакое действие не каузирует) и *оценить* последствия возможных менасивных действий со стороны автора угрозы;

- адресант *не в состоянии контролировать* выполнение каузируемых действий (если адресант угрозы не каузирует выполнение каких-либо действий адресатом, то он и не контролирует их выполнение).

Однако на фоне указанного несоответствия данного высказывания (1') предварительным условиям группы А отметим, что его автор в состоянии совершить менасивное воздействие на адресата и знает причину (проступок или какие-либо действия адресата), из-за которой он намерен реализовать свое воздействие.

Кроме того, обратим внимание на несоответствие высказывания со значением угрозы (1') условиям интенционального содержания иллюкутивного потенциала «угроза», проявляющееся в том, что адресант **не желает** совершения действия адресатом и *не в состоянии стать причиной воздействия для его выполнения, т.е. не каузирует собеседника, а желает сам совершить действие или, скорее, воздействие*. Несоответствие условию ожидаемого действия иллюкутивного потенциала «угроза» заключается в том, адресант *называет будущее действие, которое он сам намерен совершить* не в пользу адресата.

Другими словами, менасивное высказывание (1') *I'll fix you after de show* не соответствует антецедентно-консеквентной природе менасивных

высказываний, так как оно не каузирует адресата к совершению каких-либо действий под упоминанием наказания, а декларирует менасивное воздействие адресанта. Однако, несмотря на его несоответствие условиям А.1, А.2, Б и В, в нем актуализированы конкретизирующие функциональные условия А.3 и Б.1 (см. выше перечень условий):

– адресат не заинтересован в осуществлении угрозы со стороны говорящего (А.3);

– адресат отрицательно относится к перспективе осуществления названного менасивного действия (Б.1);

Тем не менее, перспектива реализации говорящим менасивного действия не становится причиной появления аффицированного эмоционального состояния для адресата (несоответствие условию Б.2).

На основе трихотомической системы функциональных условий иллокутивного потенциала «угроза», фреймовая организация менасивного высказывания (*I'*) *I'll fix you after de show* может быть представлена следующим образом:

Угрожать (Г, С, р) — УПС → совершать (Г, р); где р – не в интересах С;

Угрожать (Г, С, р) — А.1 → считать (Г, быть в состоянии (Г, совершить (Г, р)));

Угрожать (Г, С, р) — А.2 → считать (Г, знать причину (Г, совершить р));

Угрожать (Г, С, р) — УСГ → желать (Г, совершить (Г, р));

Угрожать (Г, С, р) — УИС → ручаться (Г, желать (Г, совершить (-Г, р)));

Угрожать (Г, С, р) — УОД → намереваться (Г, совершать (Г, р)).

Как видно из представленной фреймовой записи иллокутивной силы менасивного высказывания (*I'*), организация интерактивных ходов в нем обнаруживает частичное совпадение в плане декларирования говорящим некоторого будущего действия с интерактивными цепочками таких типов декларативно-экспрессивных высказываний как, например, высказывания со значением обязательства или обещания. Однако представленная выше фреймовая запись высказывание со значением угрозы (*I'*) не соответствует в полном объеме фреймовой записи типового иллокутивного потенциала высказываний со значением обязательства или обещания, так прагматической целью автора угрозы является не совершение менасивных действий, а каузирование собеседника совершить определенные действия упоминанием возможного наказания. Примечательно и то, что указанная интерактивная цепочка менасивного высказывания (*I'*), не соответствует записи типового иллокутивного потенциала «угроза».

Очевидно, что данное высказывание (*I'*), являясь менасивным по своим функционально-семантическим параметрам, не полностью отражает антецедентно-консеквентную природу менасивных конструкций (см. определение выше, а также: Романов, Новоселова, 2013), поэтому его можно

назвать *декларативом с менасивным компонентом*. И в этом контексте следует напомнить, что ряд исследователей относят угрозу к комиссивным речевым актам, которые представляют собой обязательство сделать что-либо адресату сообщения (Серль, 1986: 162; Wunderlich, 1976: 56).

Иначе говоря, высказывание со значением угрозы (1') сочетает в себе функционально-семантические свойства различных иллокутивных субтипов декларативно-экспрессивных высказываний (в частности, угрозы, обязательства, обещания и др.), поэтому мы вправе считать данное высказывание коммуникативно *противоречивым* и, следовательно, **коммуникативно несправедливым менасивным высказыванием** или **коммуникативно несправедливым декларативом с менасивным компонентом**.

Приведем также пример коммуникативно несправедливого высказывания со значением угрозы, актуализация иллокутивного потенциала которого происходит на фоне частичного соблюдения адресантом функциональных условий групп Б (УПС, УИС) и В, но не соблюдения условий группы А, группы Б (УСГ) и ряда дополнительных условий-конкретизаторов. Так, в следующем диалогическом фрагменте (4) адресант каузирует адресата высказыванием со значением угрозы совершить определенные действия (*Don't say anything more to me about her*) под имплицитным упоминанием возможного наказания (*you'd better not!*):

- *Work'us (1'), - said Noah, - how's your mother? (1')*

- *She's dead, - replied Oliver (2'); don't you say anything about her to me! (2')*

Oliver's colour rose as he said this; he breathed quickly; and there was a curious working of the mouth and nostrils, which Mr. Claypole thought must be the immediate precursor of a violent fit of crying. Under this impression he returned to the charge.

- *What did she die of (3'), Work'us? - said Noah (3')*.

- *Of a broken heart, some of our old nurses told me (4'), - replied Oliver: more as if he were talking to himself, than answering Noah. - I think I know what it must be to die of that! (4')*

- *Tol de rol lol lol, right fol lairy (5'), Work'us (5'), - said Noah, as a tear rolled down Oliver's cheek. - What's set you a snivelling now? (5')*

- *Not you (6'), - replied Oliver, sharply. - There; that's enough (6'). Don't say anything more to me about her; you'd better not! (6')*

- *Better not (7')! - exclaimed Noah. - Well! (7') Better not! (7') Work'us (7'), don't be impudent (7')'. Your mother, too! (7')' She was a nice 'un she was (7')'. Oh, Lor! (7')' (Dickens, 2010)*

Автор выделенного менасивного высказывания (6') *Don't say anything more to me about her; you'd better not!* желает совершения адресатом некоторого действия (соответствие условию Б, а именно цепочкам УПС, УИС) и называет будущее действие, которое он ожидает от адресата (соответствие условию В). Однако в отмеченном менасивном высказывании

(6''') адресант каузирует собеседника совершить действия, основываясь на своем субъективном предположении, что адресат в состоянии *выполнить* каузируемое угрозой действие и оценить последствия возможных менасивных действий со стороны автора угрозы (несоответствие условию А.1). При этом адресант не учитывает невозможность самому *контролировать* выполнение каузируемых действий (несоответствие условию А.2) в силу такого пресуппозиционального условия (существенного в момент взаимодействия) как более высокий социально-ролевой статус собеседника. Несоответствие менасивного высказывания (6''') условиям группы А является причиной того, что адресант не сможет стать причиной воздействия для выполнения каузируемых действий (несоответствие условию группы Б, цепочке УСГ).

В рассматриваемом высказывании (6''') условия А.3, Б.1 и Б.2 также не соблюдены: в силу пресуппозиционального фактора адресат не доверяет намерению автора угрозы каузировать его к совершению каких-либо действий, поэтому занимает нейтральную позицию по отношению к возможности осуществления угрозы со стороны говорящего (т.е. он не верит в её совершение) (несоответствие условию А.3), а также он занимает нейтральную позицию по отношению к содержанию обращенного к нему иницилирующего действия (несоответствие условиям Б.1 и Б.2).

Характерной прагматической особенностью реализации коммуникативно несправедливого менасивного высказывания (6''') является то, что причиной появления аффицированного эмоционального состояния адресата становится не перспектива реализации говорящим менасивного воздействия, а сам выбор категоричной формы менасивного взаимодействия. Другими словами, организация интерактивных ходов данного менасивного высказывания не соответствует представленной выше типовой фреймовой записи иллокутивного потенциала «угроза», так как автору угрозы не удалось выбрать подходящую форму воздействия на адресата и степень категоричности высказывания, основываясь на пресуппозициональных параметрах действительности и предшествующих репликах.

Интересным примером последовательной реализации инициативных и респонсивных коммуникативно несправедливых менасивных высказываний является следующий дискурсивный отрывок (5):

- *Now! what do you mean by coming into my house, in this violent way? Do you want to rob me, or to murder me? Which is it? (1)*

- *Did you ever know a man come out to do either, in a chariot and pair, you ridiculous old vampire? (2)*

- *What do you want, then (3')? Will you take yourself off, before I do you a mischief? (3'') Curse you! (3''')*

- *As soon as I think proper (4'). I shall find you out, some day, my friend. (4'')*

- *Will you?(5') If you ever want me, I'm here (5''). I haven't lived here mad and all alone, for five-and-twenty years, to be scared by you (5'''). You shall pay for this; you shall pay for this (5'''').*

- *Stupid enough, this, the boy must have made a mistake. Here! Put that in your pocket, and shut yourself up again (Dickens, 2010b)*

Менасивное высказывание (3'') *Will you take yourself off, before I do you a mischief?* соответствует предварительным условиям А, Б и В реализации иллокутивного потенциала «угроза» (см. выше) кроме дополнительного условия Б.2, предполагающего, что перспектива осуществления говорящим менасивного действия становится причиной появления аффицированного / дискомфортного эмоционального состояния для адресата. В частности, указанное дополнительное условие Б.2 актуализируется с тем уточнением, что *не перспектива* реализации говорящим менасивного воздействия, а скорее сам факт каузирования адресата совершить определенные действия становится причиной появления аффицированного эмоционального состояния для адресата.

Данный пример (3'') свидетельствует о том, что несоответствие менасивного высказывания даже одному из функциональных условий фрейма «угроза» приводит к тому, что автор такого высказывания не достигнет своей коммуникативной цели – каузировать собеседника к совершению действий, а, наоборот, положит начало коммуникативному рассогласованию. Кроме того, подобное несоответствие менасивного высказывания типовому функциональному условию фрейма «угроза» также является причиной коммуникативной несправедливости данного высказывания.

Ответное менасивное высказывание (4'') *I shall find you out, some day, my friend* представляет собой декларатив с менасивным компонентом (см. анализ примеров выше) или такую разновидность менасивных высказываний, автор которых не каузирует адресата к совершению действий, а запугивает его возможностью менасивного воздействия, т.е. имеет место несоответствие условиям группы А, Б и В и дополнительным конкретизаторам.

Обращает на себя внимание и то, что автор менасивного высказывания (4'') *I shall find you out, some day, my friend* не достигает своей коммуникативной цели, так как в качестве содержательного ядра своего высказывания он использовал указание на менасивное воздействие, которое не является менасивным для адресата и не вызывает в нем отрицательного отношения к содержанию обращенного к нему иницирующего действия, к самой перспективе осуществления названного в нем действия (см. ответную реакцию-сомнение собеседника: *Will you?* и сообщение в связи с возможной реализацией менасивного воздействия дополнительной информации: *If you ever want me, I'm here. I haven't lived here mad and all alone, for five-and-twenty years*).

Точнее говоря, высказывание (4) абсурдно, так как адресант декларирует наказание собеседнику (а не каузирует его к совершению действий), которое он в состоянии совершить, но которое не причинит вред адресату. Более того обозначенная автором перспектива реализации менасивного воздействия не вводит адресата в аффицированное или дискомфортное эмоциональное состояния, так как она является уже не перспективой, а состоявшимся фактом, который не стал причиной возникновения дискомфортного состояния.

Тем не менее, высказывание (4'') *I shall find you out, some day, my friend* реализовано в условиях отрицательного отношения адресата к содержанию обращенного к нему иницирующего действия, к самой перспективе осуществления названного в нем действия, и, следовательно, оно соответствует только условию Б.1 из всего комплексного набора функциональных условий реализации фрейма угрозы и является коммуникативно несправедливым.

Высказывание со значением угрозы (5''') *You shall pay for this; you shall pay for this* также представляет собой коммуникативно несправедливый декларатив с менасивным компонентом, который из всего комплекса функциональных условий реализации типового фрейма «угроза» соответствует только условиям А.3, Б.1 и Б.2. и является прагматически неэффективным воздействием для его инициатора, так как упоминанием менасивного воздействия ему не удалось ввести адресата в дискомфортное эмоциональное состояние, но при этом прагматически выгодным для адресата.

Результаты проведенного анализа функциональных условий реализации коммуникативно несправедливых менасивных высказываний из дискурсивных фрагментов (1) - (5) можно представить в виде следующей таблицы, где знаком «+» обозначено наличие признака, а знаком «-» – его отсутствие; буквосочетание «КНС» обозначает коммуникативную несправедливость высказываний, «ЭФ» – прагматическую эффективность высказываний, значение остальных условных обозначений см. выше.

Таблица 1

	Функциональные условия реализации типового иллокутивного потенциала «угроза»									ЭФ	КНС
	A.1	A.2	A.3	Б.1	Б.2	УПС	УСГ	УИС	УОД		
<i>I'll fix you after de show.</i>	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
<i>Don't say anything more to me about her; you'd better not!</i>	-	-	-	-	-	+	-	+	+	-	+
<i>Will you take yourself off, before I do you a mischief?</i>	+	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+

<i>I shall find you out, some day, my friend.</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+
<i>You shall pay for this; you shall pay for this.</i>	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+

Так, представленные в таблице результаты анализа функциональных условий фреймовой организации коммуникативно несправедливых менасивных высказываний показывает, что в ФСП таких высказываний отсутствует то или иное функциональное условие реализации типового фрейма «угроза». Кроме того, таблица показывает, что несоответствие менасивного высказывания даже одному дополнительному конкретизатору фрейма «угроза» определяет его оценку как коммуникативно несправедливого, так как в семантической структуре таких формальных менасивных высказываний или так называемых функциональных синонимов коммуникативно справедливых менасивных высказываний, происходит «подмена» одной или нескольких каузальных цепочек ФСП-угроза на каузальную цепочку какого-либо другого прагматического типа высказываний. В результате такой подмены складывается неоднозначная и парадоксальная ситуация: высказывание, являясь угрозой по ряду формальных признаков, во-первых, не способно и не пригодно функционировать в полном объеме как угроза, во-вторых, семантическое наполнение такого высказывания не полностью соответствует ФСП какого-либо другого прагматического типа высказываний и, следовательно, оно не способно и не пригодно функционировать в качестве отличного от угрозы типа высказываний.

Итак, коммуникативно несправедливые менасивные высказывания выходят за рамки функционально-содержательной специфики типового иллокутивного потенциала угроза, но в обязательном порядке содержат указание на менасивное воздействие. Другими словами, коммуникативно несправедливые высказывания со значением угрозы загоняют адресата в рамки размытого фрейма и такую «дискурсивную деятельность трудно назвать «чистой», «надежной и последовательной» или «правильной» (Романов, 2004: 18), т.е. точной, адекватной – максимально приближенной к задаваемому образцу (норме или типовой фреймовой конфигурации). Тем не менее, при оценке менасивных высказываний с позиций коммуникативной несправедливости следует исходить из того, что коммуникативная справедливость является прагматическим феноменом (см. подробнее Новоселова, 2015), а не иллокутивной составляющей высказывания, поэтому как коммуникативно справедливые менасивные конструкции, так и несправедливые реализуются по одному и тому же по типовому фрейму «угроза» (см. выше), а их главное отличие, как уже было показано, кроется в сфере функциональных условий данного фрейма.

Литература

1. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятивных менасивных действий // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013. – № 3. – С. 72 - 84. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
2. Новоселова О.В. Функционально-семантическая характеристика дискурсивных практик со значением угрозы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: ТГСХА, 2013а. – 22 с.
3. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости как прагматический феномен // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. – № 1. – С. 34 - 47. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
4. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015а. – № 2. – С. 59 - 74. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>
5. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015б. – № 3. – С. 88 - 100. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.
6. Новоселова О.В. Языковая репрезентация коммуникативно справедливого дискурса // Языковой дискурс в социальной практике. – Тверь: Твер.гос. у-нт, 2015в. – С. 200 - 209.
7. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости и ее семантическое наполнение // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы II Всероссийской научной конференции (Воронеж, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», 28-29 октября 2016 г.). – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 59 - 61.
8. Романов А.А. О семантической роли пресуппозиций в высказываниях-просьбах // Структурно-семантические исследования на материале западно-европейских языков. Межвузовский сб. научных трудов. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1979. – С. 112 - 120.
9. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
10. Романов А.А. Суггестивная модель речевого общения: манипуляция или игра со смыслами // Человек лживый / Homo mendax: игра с личностью или игра со смыслами. – М.-Тверь: Золотая буква, ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2004. – С. 3 - 36.
11. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.-Тверь: ИЯз, ТвГУ, ТГСХА, 2005. – 153 с.
12. Романов А.А. Лингвистическая мозаика. Избранное. – М.: ИЯ РАН, 2006. – 436 с.

13. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016. – № 4. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

14. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – Москва-Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с.

15. Романов А.А., Новоселова О.В. Топономия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2013а, № 2. – С. 20-32.

16. Романов А.А., Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость: прагматический подход // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. – С. 146 - 151.

17. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. Ред. Б. Ю. Городецкого. – М.: Прогресс, 1986. – С.170 - 195.

18. Romanov A.A., Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature, ISSN: 2078-0303, Vol. 5. No. 4, 2014. – P. 100 - 103. – DOI: 10.7813/jll.2014/5-4/22

19. Wunderlich D. Studien zur Sprechakttheorie. – Frankfurt/M.: Suhrkamp, 1976. – 416 S.

Источники примеров

1. Dickens C. Oliver Twist [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010b. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

2. London J. Martin Eden [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010а. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

3. Scott W. Antiquary [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010с. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

4. Scott W. Ivango [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010d. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

5. Scott W. Old morality [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010е. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.